

ЭСТЕТИКА ТУПИКА

Римская империя времени упадка
сохраняла видимость твердого порядка,
цезарь был на месте, соратники рядом,
жизнь была прекрасна, судя по докладам.
Булат Окуджава, 1979 г.

—Что за пир во время СПИДа?
*В. Коркия, „Черный человек или я —
бедный Сосо Джугашвили”.*

В первые годы перестройки аденты нового мышления часто и со значением любили повторять: главное — это перестройка сознания, дело исключительно трудное, ибо инертен человек. С этим трудно было не согласиться, однако, как нам показали последующие годы, если перестройка у нас где-то и происходит, так почти исключительно в сознании, а еще лучше сказать — в воображении. Сразу же после 1985 г. многие общественные деятели просто с удивительной легкостью что-то попереключали у себя в головах и продолжают переключать до сих пор. Иностранец, бывавший в Советском Союзе в 70-е годы, увидит теперь странную, поразительную картину: комсомольские работники спокойно рассуждают о достоинствах “heavy metall”; официально организуются секс-конкурсы (еженедельник „Собеседник”, например, объявляет о конкурсе „мисс-Эротика”); в видеосалонах под эгидой развития культурного досуга демонстрируются низкопробные западные боевики; плакаты комически мужественного Рэмбо, на которого не далее как вчера обрушивалась

вся официальная пропаганда, продаются в подземных переходах; идеологические работники вступают в какие-то коммерческие отношения со своими идейными врагами, — и все это на фоне чугуновых ленинов и марксов, которые продолжают метать свои чугуновые кепки или с яростью в глазах всматриваться в будущее пролетариата. Создается впечатление, будто неподвижное замкнутое пространство мертвой имперской идеологии наполнилось неясным и бессвязным содержанием. Имеет смысл говорить о какой-то особой эстетике упадка империи и через это передавать смысл происходящего — представить, что нас ждет...

Эстетическое восприятие сегодня приобретает роковое значение. Дело в том, что, подходя к кризису, или — к пропасти, советское общество продолжало жить сладкими легендами о якобы скрытых моральных и экономических резервах. Собственно, эти легенды были гарантом стабильности. Нам казалось, что хотя мы живем нормами двойной морали, где-то в тайниках диссидентства тлеет огонь духа; казалось, что, хотя мы совершенно лишены профессионализма и разграбили природную кладовую, придет предприниматель, новоявленный русский капиталист, и... забудет, как из рога изобилия.

Но... в тайниках диссидентства особенно ничего не хранилось. Предпринимательством в России давно называется купить за рубль, продать за два. Истины о том, что они (мы) не любим коммунизм, никого не согрели и не удивили. Диссидентство больше ставило вопросы, било в набат — родить новую мораль оно не могло.

Когда дом сгорел, к чему набат?

Произошел обвал информации, но информации, которая была предчувствована. Правда о Сталине, правда о Ленине, правда о партии, правда о КГБ... На самом деле, если бы обнаружилась еще какая-нибудь правда, она не вызвала бы особенного удивления. Сознание закрылось еще до того, может быть, как реакция психической защиты. „Архипелаг ГУЛАГ“ поразил цель на излете. Прогрессия из миллионов убитых, замученных этим режимом привела к тому, что массовое сознание совершенно спокойно оценивает сегодня количество нулей на конце этой цифры. 20.000.000 жертв, 30.000.000 жертв, 35.000.000 —

интересует лишь специалистов. 10.000.000 — призраки. Мораль закрытого сознания. Мораль — готовность распада.

Духовные искания 1987 г. предложили обществу две темы. Тема покаяния по фильму Т. Абуладзе и тема-вопрос „Какая дорога ведет к храму?“ по статье И. Клямкина. Казалось, эти темы сконцентрируют в себе духовный опыт поколения и дадут начало новой морали. Однако этого не произошло. Покаяние было предложено тогда, когда жертвы и палачи достаточно переплелись корнями. Мы перестали быть людоедами, но не стали святыми. Покаяние для нас стало слишком умозрительным делом. С катастрофическим запозданием прозвучал и вопрос: „Какая дорога ведет к храму?“ Никакая не ведет! Потому что и храма давно нет. Этот ответ прекрасно знал и сам И. Клямкин, причем, видимо, до написания статьи.

Из статьи „Кинематограф, которого мы заслужили“:

„Массовое сознание застряло в трясине безвременья. Ему не до жира, не до дороги, ведущей к храму, ему бы выкарабкаться из ада.

Покаяние уже ничего не решает.

На покаяние сталинская эпоха отвечает карнавальной гримасой и показывает фокус с бумажными глазами“.

(Ю. Богомолов, „ЛГ“ № 36, 1989 г.)

Вспоминается эпизод, произошедший на обсуждении документальной ленты молодого кинематографиста А. Кибкало, посвященной неформальному движению, которой известный режиссер Марк Захаров дал высшую оценку: „Этот фильм должен посмотреть Горбачев“. (Лента, тем не менее на экраны не вышла.) Так вот, я тогда не попал в резонанс. Мне показалось, что в картине было больше резкости, чем художественной правды и художественного предвидения. Все-таки, по моему мнению, художник должен быть выше политического момента и не стараться орудовать пером и кинокамерой, как кинжалом и скорострельным автоматом. Способность творца к милосердию и покаянию стала не менее дефицитной, чем та же способность профессионального политика.

Впрочем, сие — банальность.

* *
*

Научный аморализм (чем, собственно, являлся „научный“ коммунизм) общество исповедовало в течение 70 лет. Создается впечатление, однако, что остатки его догорели в ядерном котле Чернобыля. Многим так и виделось, будто чернобыльская катастрофа это всего лишь репетиция, модель реакции распада более обширного целого... Действительно, и там и здесь системы превысили допустимую степень сложности; и там и здесь операторы (станции) и прорабы (перестройки) не знали, как системы отреагируют на их воздействие; и там и здесь современные франкенштейны сами оказались во власти вызванных к жизни процессов. Это видение настолько ярко стояло в воспаленном сознании академика Легасова, одного из ответственных за разворачивание ядерных станций и, наверное, за разворачивание и так называемого развитого социализма, что он не нашел ничего лучшего, чем застрелиться.

Да, коммунизм как течение философской и политической мысли, похоже, прекратило свое существование. Польский журналист „Солидарности“ Леон Буйко, снова приехавший в Советский Союз после какого-то не очень продолжительного отсутствия, был потрясен произошедшими изменениями. Слушая речи делегатов первого Съезда депутатов (удивительно дело, государству 70 лет, а все — первый Съезд!), он удивленно тряс головой: „Тоталитарное государство... без идеологии... — штука очень и очень странная..“

Странная штука; тоталитарная государственность осиротела.

Мы остались без идеологии, и вопрос — с какой моралью, с какой эстетикой? В образовавшийся вакуум хлынуло буквально все. До сих пор житель Совдепии жил как бы в одномерном

и одноцветном пространстве. В принципе он не сомневался, что политический строй всегда будет питаться одной партией, даже если это и не очень хороший порядок; он не сомневался, что средства производства всегда будут в общественном владении, даже если это и будет порождать нищету и бюрократизм; и, конечно, он не сомневался, что Октябрьский переворот — исторический шаг вперед, даже если потом ничего не вышло. В более общем плане ему представлялось: физический мир бесконечен, но состоит из повторяющихся деталей, описанных физикой средней школы; Бога, естественно, нет, и человек — венец природы.

И вдруг все это зашаталось. Гласность и демократизация, даже в усеченном виде, вдруг приоткрыли уже имеющееся под боком многообразие, существование которого не вписывается в отработанные жизненные навыки и условные рефлекссы. Мафия, рэкет, частный бизнес, летающие тарелки, жизнь после смерти, телепатия, телекинез, христианство, буддизм, национальный вопрос, инфляция и т. д. и т. п., — со всем этим пришлось столкнуться, все это, оказывается, уже есть, и ближайший парторг об этом ничего толком сказать не может.

К тому же случилось что-то совершенно не по Марксу: базис остался практически нетронутым, а надстройка (в результате перестройки) оказалась как бы прилеплена от какого-то другого базиса.

Когда на 50-летие Советской власти советская номенклатура с присущим ей номенклатурным романтизмом решила послать письмо своим будущим высокопоставленным коллегам в 2017 год, заложив калсулу с соответствующим письмом под памятник великому мыслителю, никто и подумать не мог, что, скорее всего, это был не тот почтовый ящик; адресат был, и уведомление об этом придет уже через четверть века.

Через четверть века вдруг с опозданием лет на двадцать в России началась сексуальная революция. Перешедшие на хозрасчет киностудии не решаются выпускать фильмы без соответствующих эпизодов. Однако трагикомизм заключается в том, что запретный плод оказался не сладок. В окружающем мире — давно СПИД. К тому же советские мужчины, поставленные на одну доску с женщиной, не в силах по зарплате обеспечить никого

кроме себя, и явно преувеличивали свои возможности. Подростки, останавливающиеся у киосков бойких кооператоров, довольно равнодушно скользят взглядом по обнаженной натуре, интересуются больше Брюсом Ли, звездой кино и кунг-фу 70-х годов. Время идет вспять?

Время идет вспять, и в Москве 1989 г. снова „кроют купола чистым золотом” и на макушках колоколен устанавливают золотые кресты. Не поздно ли? Ведь Церковь уже почти превратилась в Министерство Церкви, а церковная номенклатура покланялась в верности атеистическому государству.

Но советские руководители теперь уже готовы поверить в любое шаманство. Если скажут, все дело в золотых крестах, будут золотые кресты!

* *
*

Самое страшное, что, лишившись духовных опор, пусть даже догматических, ложных, сознание советского обывателя может допустить теперь что угодно, согласиться с чем угодно, допустить самую бредовую идею.

Вдумайтесь хотя бы в такой факт:

„По данным Всемирной организации здравоохранения, 40 млн человек в мире страдают тяжелыми формами психических заболеваний. Это примерно один процент населения земли. По данным Госкомстата СССР, к началу 1988 г. на учете в лечебных учреждениях страны стояло 10,2 млн больных с психическими расстройствами. Это уже три с половиной процента жителей... Однако приведенные данные отражают только число людей, обратившихся к врачам. Количество несчастных растет”. („ЛГ” № 37, 89)

Невнятные устремления стали эстетикой тупика, тупик

же — пограничной ситуацией, пространством странных превращений, делений на ноль, в котором властвует принцип неопределенности и подразумевается некоторый экзистенциализм. В этом смысле интересна загробная жизнь партийных вождей. Когда в 1973 г. происходил обмен партийных билетов, Ленину выдали партийный билет за № 1, за небольшим номером — Брежневу; Каменеву, Зиновьеву, Бухарину билетов не дали, так как считали, что они „ошибались” против линии партии, кстати — сталинской. В 1985–1989 гг. традиция реабилитировала и саму позицию „против партии”, напрямую рассматривая партийный аппарат как питательный бульон тоталитаризма. Тут бы и начаться формированию новых идеалов, однако по заключению комиссии ЦК КПСС Бухарин, Каменев, Зиновьев были признаны верными и последовательными коммунистами, то есть классными аппаратчиками... Можно считать, опальным вождям не повезло во второй раз. Падение в Лету продолжилось.

Лихорадочные поиски идеала привели к необходимости окончательного отделения образа Ленина от устойчивого сочетания образов Ленин—Сталин. В своей статье „Ленин—Сталин”, опубликованной в прибалтийском журнале „Родник” № 6, М. Эпштейн пишет:

„Из Ленина—Сталина вышел Сталин и, как часовой на разводе, выполняя партийное поручение, отошел далеко назад и встал наизготовку в форме лотога лозутчика и снайпера по самым заветным нашим целям. Ленин же, выполняя другое партийное поручение, оторвался от Сталина и устремился далеко вперед, в даль недосыгаемую, но все же зовущую родным неправильным голосом и святым последним заветом-завещанием”.

М. Эпштейн в очень остроумной форме подводит нас к тому, что спасти Маркса и Ленина, как идеалы, от молоха идеологического распада означает отделить их от их учений и заставить жить частной жизнью, которая, как всякая частная жизнь, заканчивается смертью и забвением, что все же лучше, чем бесконечные проклятия потомков.

Об этом, правда, Эпштейн не договорил.

Об этом не договорил и Юрий Карякин, нарисовав на Съезде депутатов ужасающую картину распада трупа Ленина в Мавзолее, когда, по словам Карякина, вибрация от поездов метро что-то разрушает в плохо, по-советски набальзамированном теле, и целый институт занят только тем, что реставрирует труп. С другой же стороны, намекнул Карякин, не давать захоронить тело — означает обречь душу на вечные грустные скитания. Какое странное возмездие!

Впрочем, на самом деле Карякин добивался не этого, не соблюдения христианских обычаев, он добивался де-юре признать отступление от мифологизированной эстетики раннего коммунизма.

Де-юре этот шаг сделан не был, де-факто он произошел повсеместно.

Если никого не удивляют посмертные превращения вождей, то никого уже не могут удивить посмертные судьбы писателей. „Поднятая целина” Михаила Шолохова всегда считалась апологетикой колхозного строя, но теперь обернулась фельетоном на него, а сам Шолохов стараниями литераторов-прилипал превратился в диссидента. Кем он, конечно, никогда не был.

Мне довелось увидеть Шолохова в последние дни его жизни, и на меня это, как пишут, произвело неизгладимое впечатление. Шолохова подвезли на реанимационном „Мерседесе”, и всех сотруников нашего медицинского института разогнали по кабинетам, чтоб мы не видели, в каком плачевном состоянии находится душа народа, ведь все газеты продолжали писать, что он полон творческих сил и заканчивает эпохальный роман. Это был человек-символ уходящей эпохи. Из окна я видел, как обслуживающий персонал, в чью власть Шолохов непосредственно теперь перешел, без должного почтения нахлобучивает ему свалившуюся меховую шапку.

Если двойной биографией стали жить писатели, то двойной биографией стали жить и литературные персонажи.

Всю жизнь Ю. Семенов описывает подвиги советского супершпиона Штирлица. По предпоследней версии, Штирлиц удачно закончил войну, радостно был встречен подоспевшей

Красной армией, и затем еще не раз проявил себя с самой лучшей стороны на фронтах холодной войны.

По последней версии, дело обстояло совсем не так. Вое время НКВД, оказывается, старался отозвать своего удачливого агента. Якобы на заслуженный отдых. Штирлиц делал вид, что по какой-то причине не понимал приказа и под предлогом своей самоотверженности и незаменимости все глубже вникал в структуры третьего рейха, где было безопасней. Кончилось тем, что НКВД пришлось просто-напросто стукнуть Штирлица по голове и в бессознательном состоянии вывезти в Союз. Пронесся в правительственной машине по Москве и догадываясь, что от перемены мест ничего не меняется, и тут и там истинные коммунисты в подполье, Штирлиц решает... продолжать борьбу против коммунистического рейха. Хотя эти догадки посещали Штирлица и раньше, он гнал их, что почему-то не мешало ему на всякий случай вести досье и на советских руководителей.

В тупике расцвел соц-арт — оригинальное направление искусств, подразумевающее исследование жизни в СССР через вогнуто-выгнутые линзы. В произведениях соц-арта теневые, неприятные моменты выпячиваются, драматизируются, поэтизируются — все вместе; соц-арт уже подарил миру множество любопытных шедевров и на первый взгляд показался новым словом, чуть ли не родником в уже достаточно коммерцизированной и истощенной мировой культуре.

Но это на первый взгляд. Соц-арт — это поэтика тупика, поэтика, в которой реализуется блуждающая по кругу мысль художника. Стоит что-то изменить в сфере политики, цивилизовать экономику, и соц-арт перестанет быть понятным, так же как перестал быть понятным эзопов язык „застоя” и какой-то вычурной экзотикой стали казаться духовные искания Андрея Тарковского.

Но пока... в МГУ с неизменным успехом прошло 131 представление паратрагедии „Черный человек или я — бедный Сосо Джугашвили”. Автор (Коркия) талантливо работает со словом, нанизывая в причудливой игре строчку из Пушкина, строчку из Шекспира. А сюжет таков: Берия, вычислив, что Сталин может добраться и до него, решает свести с ума своего патрона и а-ля пушкинский, а может быть, и формановский

Сальери насылает к тирану... черного человека. По замыслу автора, оба негодяя, да и весь негодяйский режим (с продолжением и сегодня) попадают в паутину собственных страхов.

Из диалога Сталина с иочным призраком:

— Кто ты, — спрашивает Сталин.

— Я? — кривляется призрак. — Черномор!

Нас сорок тысяч братьев,

Мы все... на Пушкинской стоим.

(Это что-то из Пушкина)

(Обращение к Шекспиру)

(А это, может быть, картинка с митинга „Памяти“, отражение проблемы бесовства?)

Сценическое оформление спектакля таково: огромная красная звезда на занавесе, из которой вышлепываются, сменяя друг друга, мерзавцы, а то — показывают голый зад, кстати — чудесная иллюстрация к названию статьи.

Конечно, все смеются. Смеюсь и я, но спрашиваю себя и не могу найти ответа: что мы делаем этим смехом: распугиваем страх или накликаем беду?

Более пристальный взгляд в ткань текста подеказывает: строится он только на включении каких-то ассоциаций (Сталин — Лигачев — красная звезда — голый зад — социализм и т. д.)... из тупика не выводит.

Из тупика не выводят речи Главного прораба перестройки.

Что же тут удивляться, если таково повсеместное мироощущение?

Если взять любую программную речь Горбачева, можно с удивлением обнаружить, что он грозит кулаком вправо, грозит кулаком влево, обещает сохранить статус-кво и обещает все перестроить. Плюсами я отмечал положительно направленные векторы, минусами — отрицательные. Суммируем: ноль. После каждой его речи где-то начинается легкая паника: сворачивают, зажимают. Где-то — странное непонятное воодушевление. Иногда кажется, что и сам Горбачев не знает, о чем он говорит, а ждет, каким содержанием сами-собой наполнятся его пространственные рассуждения. Может быть, это и есть идеальный центризм?

Из выступления 10 сентября

„Положение в стране не простое“.

(—)

„Люди пытаются понять, где мы находимся на данный момент“.

(—)

„...крепнет понимание того, что перестройка связана прежде всего с трудом — творческим, напряженным, высокопроизводительным, с отдачей всех сил и знаний“.

(+)

„Я считаю, что люди правильно ставят вопрос о решительном повышении ответственности и дисциплины на всех уровнях“.

(+)

„Мы видим, как и с консервативных, и с левацких позиций предпринимаются попытки дискредитировать перестройку. В этом разноголосом хоре слышны и запугивания надвигающимся хаосом и рассуждения об угрозе переворота, даже гражданской войны“.

(—1)

„О нарастании позитивных перемен свидетельствует и то, что последнее время в обществе очень остро обсуждается вопрос о дисциплине...“

(+1)

„Я допускаю, что в комплексе таких мер могут оказаться непопулярные, в чем-то жесткие и в определенной степени болезненные меры“.

(—?)

„На сессии Верховного Совета СССР предстоит принять крупные решения, связанные с дальнейшим углублением экономической и политической реформы. Прежде всего речь идет о таком фундаментальном законе как Закон о собственности, принятие которого позволит преодолеть отчуждение человека от средств производства...“

„...и утверждения многообразия форм социалистической собственности“.

(+?)

Идеальным центристом считает Горбачева Николай Шульгин. В своем эссе „Кто он?“ („Век XX и мир“, № 6, 89) он (Шульгин) пишет:

„...Горбачев идеальный центрист, и в этом разгадка его политической тайны. Когда господствует консервативная тенденция, он кажется радикалом. Когда

поднимается радикальная волна, он кажется консерватором. Центр — естественное место Горбачева в политическом пространстве, созданном исключительно благодаря его активности". И далее: „Он — политический миротворец". „Будем любить миротворцев".

Неужели Шульгин думает, что кого-то Горбачев может обмануть из своего центра на виду у всех, как „наперсточник"?

Что если слабый центр при давлении с краев вызовет эффект воронки (с засасывающей силой в этом центре)?

* *
*

Но в то же время мы добрались до очень интересного момента. До тайны. Оказывается у Горбачева есть тайна, а сам он — таинственен. Если член ЦК ПОРП Л. Миллер говорит прямо, что их цель — после сорока лет вернуться к построению капитализма, Горбачев этого не говорит. Что он строит — пока что тайна для всех.

Ощущение тайны органически вписывается в эстетику тупика. Что бы где бы ни происходило, всегда остается возможность, что кто-то из темноты дергает за тайные ниточки. До сотни тысяч человек, бывает, собираются на политические митинги, но и они толком ничего не знают, ни в чем не уверены, лишь умножают собственную растерянность.

Тайна и грусть как бы окрашивают в какой-то прозрачный акварельный цвет облик современной Москвы, и журналисты плюсюют слова в привычные клише. „Последствия", — пишет один. „Непредсказуемые", — добавляет другой. Что ждет нас — тайна.

Каким-то таинственным мистическим образом откуда-то начался исход нищих. Такого не было несколько десятилетий. Они усаживаются в подземных переходах Третьего Рима, недалеко от Кремля, и вдруг — кто-то начинает играть на гармошке. Образ краха механизированной безбожной империи?

Сотни тысяч человек спешат к своим телевизорам, потому что маг и волшебник Алан Чумак странными пассажами через экран заряжает вашу обычную хлорированную воду из-под крана

какими-то чудодейственными качествами, и люди бережно хранят ее в трехлитровых банках.

Таинственную деятельность по выявлению таинственного же жидо-массоисконо заговора ведет пресловутая „Память".

— Сколько в „Памяти" человек, — спрашивает телевизионный комментатор у их лидера.

— Понимаете, — отвечает тот, — нельзя сказать, что кто-то вне памяти, что он не памятлив, все мы — в памяти, памятливы, следовательно, в „Памяти" — все...

— Нет, я имею в виду организационно, — пугается комментатор.

* *
*

Зловещий человек с Красной Пресни Сергей Кургиния вместе со своей аналитической группой готовит жуткий проект. Оказывается, в стране идет массивное наступление империалистических сил. Армаггедон. План предполагает оперативное разъединение коммуникаций и транспортных связей в местах локального конфликта, отключение энергетических источников, ведение боевых действий силами спецподразделений, экспроприацию собственности у представителей теневой экономики и раздачу ее пострадавшим лояльным гражданам.

Этот проект он засылает в самые верха. На какую то почку он упадет?

Сентябрь 1989 г.